

В архиве известного литературоведа Ромэна Гафановича Назирова (1934–2004), проработавшего в Башкирском государственном университете почти сорок лет, хранится машинопись рассказа, датированная 16 октября 1956 года. Мало кто из коллег и учеников Р. Г. Назирова знал о том, что помимо замечательных книг и статей о Достоевском, Чехове, фольклорных и мифологических сюжетах профессор ещё и пишет прозу. Действительно, скорее всего, последние десятилетия Р. Г. Назиров посвятил себя литературоведению, но и юношеские художественные опыты сохранил.

Машинопись рассказа изобилует карандашными правками и имеет внутриредакционный номер: «№ 1109. 10/XI-56. Стр. 1–9». Текст проходил рецензирование. Редактору явно не нравились стилистические изыски молодого автора. Например, волнистой линией подчёркнуто предложение «Он спал строго», а на поля вынесен раздражённый знак вопроса. Эпитет, придающий фразе характерность, фактурность, показался редактору нелогичным, как и многое другое в чересчур смелом стиле самобытного прозаика.

Текст снабжён рецензией, оканчивающейся неумолимым «К печати рассказ не пригоден» и подписью В. Александрова. Было бы странно сейчас спорить с редакторским вердиктом более чем полувековой давности, но нельзя не сказать, что всё, чего не хватило тогда в тексте не слишком внимательному редактору, на самом деле там есть. И характер персонажа, и семейный уклад переданы Р. Г. Назировым с помощью художественной детали (сцена в ресторане, телеграмма Аси), к которым В. Александров, так или иначе, оказался глух.

По сообщению А. П. Филиппова, В. Александров работал редактором в журнале «Дружба народов» и приезжал в Уфу на съезд союза писателей СССР в 1954 году. Возможно, тогда Р. Г. Назиров познакомился с ним и рассчитывал на его содействие в публикации рассказа. Скорее всего, после этой неудачи Р. Г. Назиров уже не предпринимал попыток напечатать свои произведения, по крайней мере, такие попытки нам неизвестны. Первый неудачный опыт сыграл свою роль, и молодой автор теперь писал только «в стол», пока в начале 1970-х годов не перенаправил свои стремления окончательно в область литературоведческой науки.

Сегодня, спустя 55 лет, у нас есть возможность опубликовать рассказ в его первоначальном виде. Как не трудно заметить, помимо не оценённых редактором художественных достоинств, этот текст может служить также и своеобразным памятником навсегда ушедшей от нас эпохи.

Б. В. Орехов

Р. Г. Назиров

Старик Железнодорожное происшествие

Я сел на поезд ночью. В том вагоне, куда я вошёл, все уже спали. Только два человека попались мне навстречу. Один был молодой рабочий, немного навеселе; впрочем, это выражение неточно, он был серьезно настроен. Рабочий сходил на этой станции, он нес чемодан. Другой его провожал – сутулый старик с крепким лысым черепом, с остатками седых волос над ушами. Он говорил без умолку, а рабочий успокаивающе гудел в ответ. Я задержался с чемоданами на площадке. Может быть, оттого, что поезд стоял здесь три минуты, те двое заторопились с прощаньем, а может быть, потому что накрапывал мелкий дождик. Они пожали друг другу руки. Но молодой рабочий вдруг решительно притянул к себе старика и крепко его поцеловал.

Я вошел в вагон. Раскрывая дверь, я слышал снаружи сквозь шорох дождя удаляющийся голос:

- Не горюй, отец! Все может перемениться...

Я легко нашел мое место. В вагоне все спали. Я взял постель, рассовал чемоданы и корзину с яблоками куда было возможно. Потом я вышел покурить. В тамбуре старик пил воду из кружки. Руки у него тряслись. На лысине сверкали дождевые капли.

Поезд шел немного в гору. Я выкурил папиросу, и спать не хотелось. Через тридцать часов с небольшим мне предстояло вернуться в родной город, где я не был год. Год – небольшой срок, но я успел соскучиться по дому. Делать нечего, надо ждать. Поговорить не с кем, все спят. Познакомлюсь утром. Где-то в чемодане у меня лежала коробка домино.

Я лег на свою вторую полку. Тот старик, который ходил на станции, сидел внизу, грустно и без всякого аппетита жуя бутерброд. Очевидно, я еду на том месте, которое занимал сошедший рабочий.

На второй полке, напротив меня, спал человек средних лет. Он лежал на спине, сцепив руки поверх раскрытой книги, положенной на грудь вверх переплетом. По красным следам на висках и переносье я определил, что этот человек носит очки. По всему видно было, что это солидный и положительный мужчина. Он спал строго.

Под его полкой, напротив старика с бутербродом, свернувшись, как котенок, спала женщина. Сколько ей лет, не было ясно. Она укрылась хорошим серым пальто, я видел только белую худощавую шею и растрепанную прическу блекло-золотистого цвета.

Паровоз загудел, и от его гудка проснулся мой сосед на второй полке. Мне показалось, что он фокусник: футляр с очками появился в его руке словно из воздуха, он манипулировал им с быстротой автомата. От удивления я моргнул два раза, а очки тем временем уже оказались на носу моего соседа. Он взглянул на меня и свесил голову вниз:

- Скажите, этот молодой, но подающий большие надежды нахал уже сошел с поезда?

Старик поднял голову и отчеканил:

- Да, этот отличный молодой человек сошел с поезда.

В его гордости, в его защите отсутствующего проявлялось трогательное и немного петушиное благородство.

Человек в очках еще раз заглянул вниз, убедился, что женщина спит, и тотчас в руках его появилась пачка папирос. Он осторожно закурил и стал приветливо смотреть на меня. Я закрыл глаза и задремал. Потом я заснул по-настоящему. В вагоне всегда хорошо спится. Легкое покачивание баюкает, словно колыбель, и смутно припоминается раннее детство – тот мир, из которого, по сути дела, никаких воспоминаний человек не выносит.

Утром я увидел человека в очках. Он только что умылся и теперь пил чай у окна. Его два стакана были окружены самой разнообразной снедью в аккуратных целлофановых обертках. Старик сидел напротив, держал свой стакан на коленях и ел своих засохшие бутерброды. Оба молчали. Теперь я получше разглядел старика: поношенный, но чистый костюм, свежая рубашка, густые сети морщин на лбу и щеках. Он испытывал какие-то душевные муки, вздыхал, нетерпеливо поворачивался, резким жестом стряхивал крошки. Человек в очках ел спокойно и методично.

Но вот показалась та женщина, что спала вчера на нижней полке. Женщина была молодая и хорошенькая, на ней был очень ловко сшитый халатик. Она несла тубик зубной пасты, зубную щетку и мыльницу, через плечо у нее висело полотенце. Густые локоны живописно осыпали низкий гладкий лоб.

Увидев женщину, человек в очках сделал несколько манипуляций, быстро которых уже не удивляла меня. Столик у окна оказался чист, даже без единой крошки. Женщина улыбнулась, поблагодарила и села завтракать. Я слез вниз и пошел мыться. После завтрака состоялось знакомство. Все трое: старик, женщина и человек в очках ехали туда же, куда и я. Наш город – конечный пункт маршрута этого поезда.

Я предложил сыграть в домино. Все согласились, усадили поудобнее женщину, и человек в очках сел играть в паре с ней.

Мы со стариком все время проигрывали. Я неплохо играю в домино, но такого сильного игрока, как человек в очках, мне никогда не приходилось встречать. Он помнил все кости наизусть, знал, какую кость бережет каждый игрок, вел игру безошибочно и время от времени добродушно говорил:

- Ну, выкладывайте вашу шестерку! Что вы там маринуете свою пустышку? Сейчас вы положите един-один.

Не было случая, чтобы он соврал. Все в точности совпадало. Сквозь добродушие в нем проглядывал затаенный азарт: скулы горели, ноздри раздувались. Игрок жила ходила в нем ходуном. Или он показывал себя перед женщиной? Ему было около сорока лет. Говорил он правильным, но каким-то жестким языком. Я готов был с кем угодно биться об заклад, что это бухгалтер, скрывающий свою профессию. Он старался казаться интеллигентнее, чем был на самом деле. Но в домино играл замечательно.

Старик был, несомненно, пенсионер. Вероятно, бывший учитель из какой-нибудь захолустной школы. Он казался симпатичным и добрым, одна беда – слишком много говорил. Женщина только улыбалась всем одинаково ласково и позволяла собой любоваться. По ее манерам, по халату, прическе и маникюру было видно, что она живет сытой и обеспеченной жизнью.

Я узнал, что старик и женщина возвращались с Юга. Она была на курорте, а старик жил у старшего сына. Но она была совершенно здорова, а старик был сильно болен или, может быть, только выздоравливал от какой-то болезни.

- Как я виноват перед ним! – говорил старик, задерживая игру. – Я никогда не любил его, кормил, одевал, обувал – и только. Меня пугал его суровый характер, с детства он глядел букой. А младший, Вася, был моим баловнем, моим Веньямином – веселый был такой, попрыгунчик! Признаться, я не без трепета ехал к Николаю: как-то он меня примет, как посмотрит его жена, теща И что вы думаете, приняли как родного!

Человек в очках усмехнулся на эту оговорку и нетерпеливо прервал старика. Игра продолжалась. Один раз каким-то чудом мне удалось списать очки, но потом положение стало еще более явным. Человек в очках выигрывал и при этом безжалостно шутил над нами. Он мне сразу стал неприятен. Я таких людей распознаю с первого взгляда.

После проигрыша старик снова заговорил о своем доме и своих сыновьях. Он жил с женой и младшим сыном, а старший сын жил на Юге. Старик очень тосковал по родному дому, по младшему сыну. Он и сейчас больше всего на свете любил младшего сына.

Человек в очках явно не хотел слушать болтовню старика. Он вышел покурить и пригласил меня, я не хотел обижать старика, но тоже хотел курить. Мы вышли в тамбур. Человек в очках, видимо, был слишком хорошо воспитан, чтобы курить при женщине (когда она не спит).

- Историю его младшего сына я слышу уже в третий раз, - сказал мне человек в очках.

Я из вежливости поддержал с ним разговор. Не помню, как зашла речь о старости и о пользе воздержанной жизни.

- Я провел всю блокаду в Ленинграде и не потерял ни одного зуба, - сказал человек в очках и оскалился в доказательство своих слов.

Видимо, он считал, что вид его зубов добавляет мне удовольствие. Они, действительно, были все целые, крепкие и желтые.

Но когда мы вернулись, старик возобновил разговор о Васе. Теперь он обращался в основном ко мне.

- Конечно, в молодости нужно перебеситься, - говорил он. – Помню, в бытность мою гимназистом мы целыми днями шлялись по улицам, гранили мостовую, слонов продавали, как говорится. Влюблялись в гимназисток, считали особым ухарством обмануть гимназическое начальство, нарушить правила. На тех, кого ни разу не попал в кондуит, смотрели с легким презрением. Были у нас и драки, и тайное курение в туалетной

комнате, и попытки напиваться. История повторяется. Теперь так же живут многие молодые люди, десятиклассники, даже студенты. Им нужно перебеситься. В это нет ничего предосудительного. Я, конечно, сурово осуждаю крайности. У Васи были неприятности с милицией, и я сына не оправдываю. Но он образумится, я его знаю, ведь это мой сын...

Человек в очках входил и выходил, а старик все говорил о своем Васе, рассказывал свою жизнь, прерывая рассказ только на больших станциях. Он был очень слаб, этот старик. И вдруг мне показалось, что он чего-то боится. Ощущение это пришло и ушло, оно не повторялось, но с этого момента я стал чувствовать за всеми словами старика что-то недосказанное.

Как он любил своего сына! Это была его гордость, его надежда! По рассказам старика, Вася был умен, талантлив, хорош собой. Девушки вешались ему на шею.

- Да, так ли уж он хорош? – словно поддразнивая, спросил от скуки человек в очках.

Старик обиделся, тотчас достал из внутреннего кармана кожаный бумажник, но фотографию сына показал именно мне. Я понял, что человек в очках уже видел фото. Вася был красивый парень с ленивой победоносной улыбкой. Но тут старик уронил с колен бумажник: деньги и бумаги рассыпались на полу. Помогая ему, я невольно прочел сложенную пополам и раскрывшуюся на полу телеграмму: «Задержись приездом ремонт не кончен Ася». Старик смущенно поблагодарил. Я снова взял фотографию. Да, лицо Васи было мне знакомо. Год назад, незадолго до отъезда, я видел этого красавца в ресторане, в пьяной компании. Мы с другом зашли в ресторан посидеть немного перед расставаньем, и я видел, как этот Вася вытолкал, прогнал вшащей одну женщину из их компании. Но я ничего не сказал старику.

Старик говорил не умолкая. Он рассказывал, что родители («мы с Асей») ничего не жалели на воспитание, и они сделали из него по-настоящему культурного человека.

- Но ведь Васенька вас не любит, - говорил человек в очках.

Старик раздражался и краснел от реплик человека в очках, а тому только и надо было этого. Видимо, он находил свои поддразнивания очень остроумными. Старик тотчас же достал письмо, которое получил от сына там, на Юге. Письмо было написано в бодробезразличном стиле: крепись, папа, рано еще тебе расклеиваться, у нас все в порядке, мама здорова, дел у меня по горло, ну, целую, твой сын Вася.

- Много они, конечно, не писали, не хотели меня волновать домашними дрызгами и заботами, - объяснил старик. – У них, конечно, дома не все гладко, соседи относятся к нам прекрасно, но всегда находятся люди, которые завидуют Васе.

Старик прожил на Черном море полгода и очень соскучился по своему Васе. Он не мог думать ни о чем, кроме сына. Я невольно проникся к старику симпатией, хотя понимал, что его сын – обыкновенный мальчишка, забалованный семьей, школой, вниманием девушек. По всей видимости, этот Вася немножко хулиган. Но, в самом деле, он очень заметный парень. Красавец, я запомнил его лицо по самой мимолетной встрече.

- Многие ему завидуют. Казалось бы, комсомол – какое чистое, святое слово. Молодая гвардия, цвет нашего юношества! В наше время комсомол был честнее. А сейчас вот комсомольский секретарь на ножах с Васей из-за какой-то девушки. Можно быть соперниками в частной жизни, но зачем переносить это соперничество на общественное поприще? Разве не безобразие, что в комсомоле встречаются такие личности?

Болтовня старика в конец надоела человеку в очках.

- Прошу извинить, но сколько раз вы можете повторять одно и то же? Сначала рассказали мне, потом этому слесарю, теперь вот тоже товарищу надоедаете.

- Прошу извинить, - вмешался я, - но почему вы думаете, что мне надоела эта беседа? У меня у самого есть язык. По меньшей мере странно, что вы страдаете, извиняюсь, за чужую... спину.

- Да, правда, - робко сказала молодая женщина, - каждый может говорить, что хочет.

Она взяла все еще лежавшее на столике фото Васи и потупилась, рассматривая его.

Человек в очках страшно удивился. Он увидел себя в полной изоляции. На его счастье тут была большая станция, поезд остановился, и все вышли на перрон. Старик все хотел угостить меня пивом, но я не хотел пива, погода была холодная. Старик все же выазил свое чувство, пожал мне руку:

- Спасибо вам, что меня, старого болтуна, не отвергаете.

Я смутился и забормотал:

- Что вы... как можно...

Мы вошли в вагон, поезд еще стоял. За нами вошла наша молодая женщина, прижимая к груди целую кучу яблок. Она улыбалась. Угощая нас, первое яблоко она протянула старику.

Человек в очках вошел, читая газету, и сразу с фальшивым оживлением закричал женщине:

- Интересная заметочка! Первая ласточка из нашего родимого гнезда. Суд над четырьмя молодыми преступниками. Убийство с применением холодного оружия.

И он стал читать заметку «Из зала суда». Пошли фамилии обвиняемых.

- Как, как вы сказали? – воскликнул старик изменившимся голосом.

И не ожидая ответа, он с неожиданной силой вырвал газету из рук человека в очках: тот даже побледнел от испуга.

- Н. Павлищев, Г. Сурчилин... я их знаю... В. Костромин... В Костромин... приговор приведен...

В эту минуту поезд тронулся. Толчок был резкий, старик оперся спиной о стену, но не поднялся. С ним было нехорошо. Я выскочил в соседние купе:

- Нет ли здесь врача? Нет ли у вас врача?

Молодая женщина, ехавшая с нами, пробежала по коридору. За ней распахнулась дверь на площадку, и через мгновение поезд остановился. Она повернула стоп-кран.

Скорая помощь прибыла через пять минут. Старика сняли вместе с багажом с поезда. Поехали дальше. Все произошло очень быстро. Женщина плакала в углу купе. Человек в очках чувствовал себя обиженным.

Врач в вагоне все-таки нашелся. За пять минут он успел даже осмотреть старика.

- От разрыва сердца, - объяснил он.

Остальную дорогу ехали молча.

16 октября 1956 г.

О рукописи Р. Назирова «Старик»

Рассказан случай, происшедший в поезде. Старик, отец двух взрослых сыновей, с любовью рассказывает соседям по купе о том, каких хороших детей он воспитал. Особенно умиляется отец, когда едет речь о своем младшем сыне – Васе. В конце рассказа один из пассажиров приносит в купе газету, где сообщается о суде над молодыми преступниками, совершившими убийство. В числе подсудимых – младший сын старика Вася. Потрясенный этим страшным известием, больной, старый отец умирает тут же, в купе, на руках пассажиров.

Рассказ не удался автору. Какую мысль хотел выразить автор? Очевидно, что вот, дескать, к чему иногда может привести слепое родительское обожание: холили, баловали сына, потакали всем его капризам, а чем живет юноша, родители не знали, так и не заметили, когда сын скатился с честной трудовой дороги в преступный мир.

Мысль сама по себе верна, так в жизни бывает. Однако одной мысли и точно подмеченных житейских деталей мало для художественного произведения. В рассказе дана лишь логическая развязка драмы, происшедшей в семье (сын – на скамье подсудимых, отец, потрясенный, умирает от разрыва сердца). Самого же анализа,

развития этой драмы нет. Остается неизвестным и непонятным, как, в силу каких причин могло все это случиться в нормальной, казалось бы, семье. Все ключи к пониманию происшедшей драмы – характер Васи и его интересы, нравы и уклад жизни в семье, обстоятельства, которые толкнули юношу на путь преступления – оказались утерянными автором. Таким образом, главное, что должно было составить содержание рассказа, выпало за рамки повествования. А ведь задача писателя – не только показать то или иное явление в жизни, но и об’яснить его.

Слабость рассказа также еще и в том, что люди очерчены бегло и весьма условно. Все они не имеют ни социального, ни профессионального лица, ни даже имен. Автор называет персонажей по внешнему облику: «старик», «человек в очках», «молодая женщина». Такая условность никак не помогает решению темы.

Замечания по языку и стилю отмечены на полях рукописи.

К печати рассказ не пригоден.

В. Александров

6 декабря 1956 года